

**ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ ПОЭМЫ АЛЬФРЕДА ДЕ ВИНЬИ:
ИСТОРИЯ РОДА, ИНДИВИДА И НАДЫНДИВИДУАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
(ФИЛОСОФСКИЕ, СИМВОЛИЧЕСКИЕ И ПРАВСТВЕННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

В статье исследуются мифопоэтические связи ветхозаветных поэм Альфреда де Виньи «Потоп», «Моисей», «Дочь Иевфая». В аналитической традиции рассмотрены философские, символические, морально-этические и психологические аспекты раннего творчества Виньи, в котором актуализированы стихия человеческих чувств, противоречия земного существования, связь с трансцендентным бытием.

Ключевые слова: мифопоэтика, архетип, история рода, индивид, надындивидуальная память, чувства.

В контексте общеромантического интереса к мифологии, истории, легендарному прошлому и вопросам религии обращение А. де Виньи к известным сюжетам из библейской и античной древности было закономерным. Поэт-романтик не расставался с Библией даже во время военных походов, а знакомство с трудами Платона и Плотина, позволило ему реконструировать в духе неоплатонизма увлекшие его символические содержания и противоречивые сюжеты, «вечные» образы, мотивы и архетипические модели поведения. В «Моисее», «Потопе», «Дочери Иевфая» поэт вращал текст вокруг парадигмы «личное – общественное – божественное», выделив в ней конфликтные отношения «личное – общественное», «коллективное – индивидуальное» и «личное – божественное».

В «Дочери Иевфая» ветхозаветный мир проступил сквозь текст как надындивидуальное архаическое прошлое во всей своей неприкрашенной нагоде и жестокой фатальности. Синхрония внешних и внутренних событий и картин основана на архетипической идее страдания человеческого рода и отдельного индивида, демонстрирует совпадение, соответствие и несоответствие социальных и эмоциональных состояний и экзистенций.

Прав П. Кастекс, утверждая, что байроническая по духу «Дочь Иевфая» связана с другими ранними поэмами Виньи идеей протеста против «небесного закона» и несчастного положения человека. Поэт взывал к жалости, любви, чести, которые, как он считал, способны противостоять «тирании несчастья»: «печаль Моисея, падение Элоа, смерть Эммануила и Сарры иллюстрируют безразличие, жестокость или несправедливость божественной воли» [1: 59]. В «Моисее», «Потопе», «Дочери Иевфая» отразился поиск внутренней правды в свете доктрины искупительной жертвы, воплощенной во всех мировых религиях через идею Отцовского начала [2: 54-64], порождавшую вопросы о Божественной воле, о добре и зле. Ответы на эти вопросы спустя столетие сформулирует К. Г. Юнг в статье «Совесть с психологической точки зрения»: «Яхве справедлив и несправедлив, добр и жесток, правдив и обманчив», потому что архетип

Верховного Божества имеет морально амбивалентный характер [3:91]. Смысл поиска Виньи заключен в стремлении разобраться в отношениях между людьми и Богом, понять природу зависимости индивида от Божественных решений, не подвластных воле ни «простых смертных» (пастух Эммануил), ни знатных и прославленных (судья Йевфай). В ветхозаветных историях, рассказанных романтиком, возобладали мифопоэтическая стихия и, говоря языком Я. Гримма, рассуждавшего о мифологии, то христианский сюжет проявился «в языческом облачении», то христианская форма прикрывала языческий сюжет [4: 65]. Думается, А. Ф. Лосев пояснил такую алогичную последовательность самой природой мифа, который по определению «венчает собой эволюцию смысла и перерастает в Имя», а оно есть не безымянная стихия, а центр диалектического движения [5]. В романтическом языке и романтической мысли библейских поэм Виньи есть место и надреальности, и ее культурно-исторической ипостаси, а за высшей философией Божественного Имени и его деяний стоит философия бытия индивида, роковым образом связанного с историей рода, народа, цивилизации и с коллективной памятью, определяющей архетипические модели поведения (pattern of behaviour).

Связь «Моисея» и «Дочери Йевфая» с библейским источником, историческими эпизодами и эпохами видна в именах, географических названиях, реминисценциях, эпиграфах. Однако в целом эта связь абстрактна, идейна, идеальна. Эпиграф к поэме «Дочь Йевфая» взят из Книги Судей, гл.11, п. 40: «Отсюда идет обычай, который с тех пор наблюдали в Израиле, чтобы все девушки Израиля собирались раз в году для оплакивания дочери Йевфая из Галаада в течение 4-х дней». Начало поэмы, имеющей форму одновременно ритуального плача и драмы, выдержано в стиле живописаний Шатобриана:

Jephté de Galaad a ravagé trois villes;
Abel!la flamme a lui sur tes vignes fertiles!
Aroër sous la cendre éteignit ses chansons,
Et Mennith s'est assise en pleurant ses moissons!
Tous les guerriers d'Ammon sont détruits, et leur terre
Du Seigneur notre Dieu reste la tributaire.
Israël est vainqueur, et par ses cris perçants
Reconnaît du Très-Haut les secours tout-puissants.
A l'hymne universel que le désert répète
Se mêle en longs éclats le son de la trompette
Et l'armée, en marchant vers les tours de Maspha,
Leur raconte de loin que Jephté triompha.

(Разрушил безжалостно сын Галаада / За три полных года три великих града. Их плач растекался по склонам Кармель: / Йефай разорил неприступный Авель, Уничтожило пламя военной страды / Полей урожай, винограда плоды. Ароэр, твои песни, умолкли навек, / Из-под пепла не может восстать человек! Мятежный Аммон, твои пали бойцы, / Разгромлен Миниф, плачут с горя жнецы: «Всевышнего мощь Израиль прославляет, / О том победителей крик возвещает. Несется пустынею гул ликования, / Протяжны походной трубы призыванья. Трубоч возвестил, что Йевфай победил, / И башнями город Масфа поманил).

Поэт сохранил последовательность событий в соответствии с библейским жизне-описанием Иевфея, историей его изгнания и возвращения по просьбе старейшин для защиты земли израильской от набегов маовитян и аммонитян. Предельно точный в передаче почерпнутых из Библии сведений о военных походах, автор оставил за собой право расцветить повествование яркими красками. Виньи сосредоточился на эпизоде принесения Иевфаем в жертву юной дочери и обряде оплакивания безвременно умершей девственницы, о которых Библия сообщает очень сдержанно. В этой сосредоточенности на судьбе Иевфея как Божьего избранника, на его страданиях и искуплении греха невиновным проявилась классическая традиция драматизации истории и судьбы человеческой. Поэт перенес на ветхозаветную историю шекспировскую мысль о катастрофичности отдельных человеческих жизней и сместил акценты с описания внешних событий на внутренние. Хроникальная часть рассказа сжата, эпические события переданы без мифопоэтических прикрас, а описание обрядов, наоборот, живописно и усложнено психологическим анализом. Героика военных походов уступила место героике страданий, общественная история – эпизоду из жизни одной семьи, разомкнутой, связанной с текущим временем, бесконечностью и, одновременно, представленной как «островной материал», фрагмент архаики. Для поэта оказались важнее анализ отношений между дочерью и отцом, описание печали и страданий, стоического смирения перед суровым Божественным законом, которому подчиняются и победители, и побежденные.

Le peuple tout entier tressaille de la fête.
– Mais le sombre vainqueur marche en baissant la tête ;
Sourd à ce bruit de gloire, et seul, silencieux
Tout à coup il s'arrête, il a fermé ses yeux.

(Однако ж Судья галаадский не весел, / На грудь свою голову мрачно повесил,
Молчит он в печали и к славе он глух, / В смятеньи слепом озирается вдруг).

Простая и кровавая фабула древнего предания переросла в расиновский конфликт, уходящий корнями в греческую трагедию об Ифигении. Дочь Иевфея, подобно дочери Агамемнона и Клитемнестры, должна быть принесена в жертву, ибо жизнь ее предрешена отцовским обетом, родовой честью, славой и надындивидуальной памятью, согласно которой отдельная жизнь вне рода ничего не значит. Однако у Виньи мысль о неотвратимости рока трансформировалась в антирелигиозную рефлексию: поэт, не согласный с идеей наказания невиновного, выступил в защиту права человека на жизнь, отцовство и материнство.

Украшая повествование живописанием и местным колоритом, романтик Виньи отдавал дань новой форме историзма в духе В. Скотта:

Il entend le concert qui s'approche et l'honore:
La harpe harmonieuse et le tambour sonore,
Et la lyre aux dix voix, et le kinnor léger,
Et les sons argentins du nebel étranger,
Puis, de plus près, les chants, leurs paroles pieuses,
Et les pas mesurés en des danses joyeuses,
Et, par des bruits flatteurs, les mains frappant les mains,
Et de rameaux fleuris parfumant les chemins.

(А песня девичья их рать прославляет, / Певучая арфа друзей созывает, / Пленительно нежная лира звучит / И бойкий тимпан так задорно стучит, / Размерен шаг девушек в танце их дивном, / И движутся руки в такт танца активно, / И под ладоней девичьих хлопки / Дорогу устилают пахучие венки). Так описано одно из мистериальных празднеств, которые «являли великую мировую драму о судьбе божественного в мире и душе человека» [6: 65]. Знатоки древних ритуалов Дж. Фрэнсер, сославшись на Иеремию (Иер., 47, 5–6; 48, 37–38) и Исаяю (Ис, 15, 2–3), которые упомянули общий обычай у евреев и их соседей филистимлян и мавовитян, объяснил, что плач по умершему, слезы и причитания скорбящих, как выражение горя, были возведены в ритуал, чтобы удовлетворить дух отошедшего и оказать ему услугу [7: 442–443]. Виньи изучил все доступные исторические и нравоописательные источники и воссоздал торжественную картину мистериальных обрядов в соответствии со сведениями, почерпнутыми из книги Флери «Нравы израильтян» (1712) [8: 53]. Поэт выразил свой взгляд на искупление грехов, обнаружив, задолго до рождения психоанализа, пристрастие к исследованию «видимых и психических» архетипов, обладающих «эстетической ценностью примитива» и хранящих память о жестоких кровавых жертвах. Эти две тенденции слились в фатальном параллелизме историй рода и индивида, религиозной веры и научной рефлексии.

Вальтерскоттовский историзм не помешал Виньи остаться в границах гетевского разумения истории, из которого выходило и шлегелевское представление о мгновении и вечности как «истинном времени». С помощью ветхозаветного сюжета автор поэмы реализовал шлегелевскую концепцию истории рода и индивида, находящихся во власти трансцендентного. Мистическая связь будущего, которое «смутно как тень и витает в тусклых сумерках и обманчивом полумраке», с «надменным блистательным настоящим», превращается в ничто и «погребено во всеобщем смутном мраке прошлого и всего преходящего бытия» [9: 208]. Исследуя персонализм и индивидуализм, Н. Бердяев подвел итог многовекового поиска причин человеческого несчастья: «Подчинение личности обществу, народу, человечеству, идее – продолжение человеческих жертвоприношений» [10: 26]. Романтический принцип эстетизации архаики исключал идеализацию надындивидуального сознания, «ритуалов кровавой жертвы», принципов подчинения общественным традициям и божественному Эдикту. Речь идет о тех принципах подавления личности, которые вели и ведут к утрате собственной реальности и подчинению индивида коллективной памяти. Такие романтические живописания производят сильное впечатление и оправдывают морализаторско-риторические оценки Виньи, которые вмещают и историческое мышление, и авторский «горизонт истолкования», романтические понятия и представления, интерпретации фактов и символов, принципы творчества, мировоззрение, веру, интуитивные прозрения и многозначительные недосказанности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Castex P.G. Vigny. Nouvel édition, revue et mise à jour [Connaissance des lettres]. – P.: Hatier, 1969. – 289 p.
2. Безант А. Эзотерическое христианство (или малые мистерии) / Пер. с англ. Е. Писаревой. – М.: Сфера, 2000. – 320 с.

3. Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г. Юнг, Э. Сэмюэл, В. Одайник, Дж. Хаббэк; Сост. В. В. Зеленский, А. М. Руткевич. – М.: Мартис, 1995. – 320 с.
4. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–\$5X вв. Трактаты, статьи, эссе / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 511 с.
5. Лосев А. Ф. Философия имени. – М.: Изд-во МГУ, 1990.– 269 с.
6. Штайнер Р. Мистерии древности и христианство. – М.: Интербук, 1990. – С. 65.
7. Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. – М.: Политиздат, 1989. – 542 с.
8. Vigny A. de. Oeuvres complètes. – P.: Seuil, 1974. – 662 p.
9. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. / вступ. ст., сост. и пер. с нем. Ю. Н. Попова; примеч. Ал.В. Михайлова и Ю. Н. Попова. – Т.2. – М.: Искусство, 1983.
10. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Н. А. Бердяев Царство Духа и царство Кесаря; сост. и предисл. П. В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 4 – 162.

Жужгіна-Аллахвердян Т., д. філол. н., проф.

Нац. гірничий ун-т, Дніпропетровськ

**СТАРОЗАПОВІТНІ ПОЕМИ АЛЬФРЕДА ДЕ ВІНЬЇ: ІСТОРІЯ РОДУ,
ІНДИВІДУ ТА НАДИНДИВІДУАЛЬНОЇ ПАМ'ЯТІ
(ФІЛОСОФСЬКІ, СИМВОЛІЧНІ ТА МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧНІ АСПЕКТИ)**

У статті досліджуються міфопоетичні зв'язки між старозаповітними поемами Альфреда де Віньї «Потоп», «Мойсей», «Дочка Ієвфая». В аналітичній традиції розглянуто філософські, символічні, морально-етичні та психологічні аспекти ранньої творчості Віньї, в якій актуалізовано стихію людських почуттів, показано протиріччя земного існування, його зв'язок із трансцендентним буттям.

Ключові слова: міфопоетика, архетип, історія, рід, індивід, надиндивідуальна пам'ять, почуття.

Juiguina-Allakhverdian T., professor

National mining university, Dnipropetrovsk

**POEM BY ALFRED DE VIGNY: THE HUMAIN AND INDIVIDUAL HISTORY,
THE SUPER INDIVIDUAL MEMORY
(PHILOSOPHICAL, SYMBOLIC AND MORAL-PSYCHOLOGICAL ASPECTS)**

This article is devoted to the A. de Vigny's poems «Le Déluge», «Moïse», «La Fille de Jépté» as a symbolical concept of history, super individual memory, human senses and feelings. The early poetry of A. de Vigny is examined as the biblical mythopoetical intertext in the light of romantic philosophical tradition.

Key words: mythopoetics, archetype, human and individual history, superindividual memory, senses, feelings.